

ЯЗЫК КАК ТРАНСЛЯТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

В. А. Салеев

*Белорусская государственная академия искусств,
пр. Независимости, 81, 220012, г. Минск, Беларусь, vas@telegraf.by*

В работе рассматривается роль языка не только как средства коммуникации, но и как информационного источника национальной культуры. Обозначается его тесная связь с национальным самосознанием, национальным характером, и, особенно, с национальной ментальностью. Выделяется особая роль языка в сфере художественного, особенно, в искусстве словесности.

Ключевые слова: этнос; язык; ценности; оценки; неоаксиология; мировоззрение; миропонимание; художественное; образ; менталитет.

LANGUAGE AS A TRANSLATOR OF NATIONAL CULTURE

V. A. Saleyev

*Belarusian State Academy of Arts,
Niezaliežnasci Avenue, 220012, Minsk, Republic of Belarus, vas@telegraf.by*

The paper considers the role of language not only as a means of communication, but also as an information source of national culture. Its close connection with the national identity, national character, and, especially, with the national mentality is indicated. The special role of language in the field of art is highlighted, especially in the art of literature.

Keywords: ethnos; language; values; assessments; neo-axiology; worldview, world perception; artistic; image; mentality.

Сложнейшие понятия, как правило, возникают из простейших. Простое созерцание языка, как функционирующей системы, конечно же, утверждает его в качестве ведущего средства человеческой коммуникации. С незапамятных времен язык одновременно выступает в качестве импульса потребности человеческого общения и в качестве средства (инструмента) этого общения. Язык – феномен надличностный, надгрупповой и надклассовой. Он прежде всего феномен культуры (и ярче всего отражает национальную, этническую культуру), продукт и концентрат её, он и проводник культуры, самый действенный инструмент её. Кроме того, язык является наиболее заметным маркером национальной (этнической) культуры. Поскольку именно в языке фокусируется и концентрируется и опыт национально-исторического бытия народа, и его самосознание, и память, и духовно-культурная самобытность Этноса.

Мы не будем касаться проблемы дефиниции культуры. Уже к началу 70-х годов XX века, по свидетельству французского исследователя

А. Моля (1973), насчитывалось более 250 определений культуры. Как отмечает М. С. Каган, с конца 60-х годов XX века в отечественной литературе употреблялось более 60 дефиниций культуры [1, с. 15–17]. Не углубляясь в многочисленные модификации определений культуры, отметим, что мы отдаем предпочтение аксиологическому подходу, в свете классической интерпретации которого, культура понимается как система (совокупность) духовных ценностей, созданных (или заимствованных) в течение долгого исторического пути социально-культурного развития. Если речь идет об отдельном человеке (субъекте культуры), то стоит вопрос об освоении (в отдельных случаях и о создании) указанных ценностей. Более того, с начала 70-х годов нами была предпринята попытка дифференцировать ценностное и оценочное отношения. Это привело к новому, более объемному пониманию термина «аксиология». В новом «неоаксиологическом» смысле этот термин включает в себя не только теоретико-ценностный, но и практико-ориентировочный, оценочный подходы. «Если в классическом подходе аксиологическая ситуация строится на ценностном отношении человека, а оценка является ответом на ценность», то в неоаксиологическом построении «ценность и оценка присутствуют в равном тождестве, наличествует переплетение ценностно-оценочных связей. Именно эти связи наполняют аксиологическое поле, полюсами которого являются объектные структуры в качестве носителей ценности и человек как носитель оценки» [2, с. 350]. Кроме того, неоаксиологическая ситуация отличается и тем, что в ней значительную роль играет «аксиологическое притяжение», которое в каждом конкретном случае определяет превосходство либо объектно-ценностного, либо субъектно-оценивающего начал. Культура же, с нашей точки зрения, представляет сложный континуум ценностей и оценок, который обуславливает высшие смыслы человеческого бытия и может выступать в качестве центрального объекта неоаксиологического анализа.

Возвращаясь к проблеме языка, следует ещё раз подчеркнуть, что он является не просто феноменом культуры, но и одним из её узловых форм (традиционный взгляд на соотношение языка и культуры, заложенный в гуманитарной науке Вильгельмом фон Гумбольдтом). Язык является глубинным и ярчайшим выразителем национальной культуры. Так, по представлениям восточных славян (о чём свидетельствуют древнерусские летописи XI в.), понятия «народ» и «язык» были идентичными. Это подтверждается и этноназванием: «немцы», т.е. немые, не понимающее «настоящего» языка. Под «настоящим», естественно, понимался славянский (древнерусский) язык. В этническом смысле можно констатировать, что вокруг языка порождается специфическое

константное ценностное поле. Это поле совпадает с полем целостной культуры этноса. В неоаксилогическом смысле весьма важным является то, как оценивает субъект (этнос, отдельные социальные группы, отдельные личности) это ценностное поле, где и каким образом проходит граница между «миром внешних явлений и внутренним миром человека» (В. Гумбольдт). Эта граница фиксируется языком, поскольку язык находится внутри человека, и отражает как реальную действительность, так и ее выражение в сознании человека. Кроме того, в свете последних исследований в языкознании и лингвокультурологии, становится ясной и роль языка в выражении подсознательного (иногда и элементов бессознательного), отражающихся в сознании и имеющих ценностно-оценочную значимость не только для отдельного индивида, но и для этноса в целом. Во всяком случае, гипотеза лингвистической относительности «не может отрицаться с порога», поскольку аксиоматичным можно считать утверждение, «что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка». И вполне убедительно выглядит положение, защищаемое апологетами упомянутой выше гипотезы, что «... реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими языковыми картинами мира» [3, с. 35].

Языковая картина мира определенного этноса, разумеется, отличается своеобразием, но это не означает, что носители данного этнического языка, получают необъективную картину мира; эта картина отличается лишь «специфической окраской» этого мира, обусловленной национальной значимостью предметов, явлений, процессов, а также избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [4, с. 50].

Здесь бесконечно важна проблема значимости, поскольку именно значимость предмета (или явления) для субъекта (или этноса) и составляет основное наполнение ценности. Нам удалось зафиксировать основные разделы выражения национального языка как формы культуры:

а) понятийно-мировозренческие структуры, где в качестве спецификации культурологического качества можно отметить особый характер миропонимания, присущий данному этносу;

б) чувственно-эмоциональные структуры, где в качестве спецификации следует отметить своеобразный характер мироощущения, присущий данному этносу;

в) художественно-образные структуры, которые включают в себя и особую систему создания и потребления художественных ценностей, и систему их оценивания, и сложившуюся систему художественных традиций, присущих данному этносу [4, с. 7].

В плане миропонимания, следует заметить, что язык тесно связан с сознанием. Он не может существовать вне сознания и помимо сознания, как и сознание не может быть выражено без участия языка (речи). В этом плане принципиальным является дифференциация сознания и мышления, иначе это приведет к отождествлению содержательной структуры языка с сознанием. Язык, отражая понятийное начало, становится основанием науки, как особого рода социально-культурной деятельности.

Язык, в характерном для этноса стиле, передает идеологические установки, тесно связанные с национальным самосознанием, исторической памятью, национальным характером и ментальностью. И в этом тоже выражаются возможности «языкового мировидения» (как следует из доктрины В. Гумбольдта).

Так, в украинском и белорусском языках следующим образом представлено понятие «пожалуйста» (русск). По-украински оно звучит: *Будь ласка*, по-белорусски: *Калі ласка*.

Значение единой основы «ласка», вероятно, от древнерусского миропонимания – ‘быть добрым’. При этом тональность отличается в анализируемых языках. В украинском – императивная, побудительная, по-видимому, для фиксации южной динамичности, цепкости, стремительности мышления и действия. В белорусском – с большой долей толерантности, с представлением свободных возможностей действующему, с присущей изначально легкостью. Чувственные основания языка в общекультурном смысле тоже весьма значимы. Соединенные с системой верований, они с достаточной силой обнажают своеобразие бытия этноса. В эмоциональной сфере язык является уникальным выразителем национального характера и ментальности этноса. Экспрессивно-эмоциональные компоненты чувственных оснований языка, в первую очередь, выражаются в языке. Языки южных народов, конечно, обладают большей степенью интенсивности и экспрессии, чем языки северных народов. Например, итальянская речь кажется спринтерской в сравнении с белорусской; темпоритм эстонской речи часто служит основанием для анекдотов. Но каждая из них, глубоко своеобразно, в системе собственных ценностно-оценочных связей, отражает эмоциональное состояние мира. Чувственно-эмоциональная структура занимает важное место в национальном языке. Она выражается в многочисленных мифах, с древних времен присутствующих в духовной

палитре этноса, во фразеологизмах, в стереотипах мировосприятия этноса. И, разумеется, эмоциональная составляющая цементируется верованиями, особенно развитой монорелигией (тем более, если она становится национальной религией, что хорошо прослеживается в истории Польши и Литвы). Да и славянофильские идеи строились на соборности (свободной общности на основе православия) и общинном характере бытия в русской деревне. «Типичной чертой духовного мира русского крестьянина всегда оставалось подчеркивание организующей роли общины мира. Именно на православии и крестьянской общине покоится, по мнению идеологов славянофильства, глубинная основа русской национальной личности» [5, с. 153].

Так или иначе, именно национальный язык выступает в качестве ведущего средства, которое обеспечивает передачу всей гаммы чувственных переживаний. На высшем уровне это выражается в языке как создателе эстетического развития человека, ибо эмоционально-чувственное начало выступает главной сокровищницей эстетического, а тонкости глубочайших эстетических переживаний человека лучше всего передаются одаренными поэтами:

В моей руке - какое чудо!

Твоя рука!

А на земле два изумруда, два светляка

(А. Фет).

Таким образом, язык с огромной силой способен выразить этническое своеобразие именно в сфере художественного. Язык, как феномен национальной художественной культуры, выступает в качестве: а) носителя образной общехудожественной информации в ареале данного этноса; б) носителя конкретного материалообразующего начала в словесном (литературном) искусстве в ареале данного этноса; интегратора художественного субстрата национального, существующего не только в ареале данного этноса, но и транслируемого (благодаря переводам на многие языки) на зарубежные национальные культуры. В зарубежных национальных культурах наиболее ярко выражаются национальное самосознание, национальный характер и национальный менталитет.

Так, в языке поэзии, в ритмике, в мелодике стиха синтезируется и проявляется и национальное самосознание, и национальный характер, и национальный менталитет. Например, выдающиеся творения белорусской литературы XIX века «Энеида навыворот» и «Тарас на Парнасе» изумительно точно передают мироотношение и мироощущение, присущее белорусскому этносу.

Здесь и социальная («мужицкая» по своей основе) атмосфера белорусского бытия и тонкое восприятие природы и отношений между людьми человеком: «у палясоўшчыках што быў».

В поэзии Я. Купалы, в поэзии и, особенно в прозе, Я. Коласа, настоянных на мощной фольклорной основе, также возникает и специфически особенная художественно-образная система и уникальные переводимые с трудом на другие языки художественные ценности. В этом плане, стоит прислушаться к мнению выдающегося британского поэта Т. С. Элиота, который полагает, что поэзия принципиально непереводаема на другой язык.

Язык словесного творчества в системе каждой национально-этнической культуры фиксирует образ мышления вообще, и художественного в частности, направляет проблематику литературного творчества, насыщает эмоциональную сферу общения, закрепляет национальную художественную традицию. Так, русская художественная традиция (русский человек перед лицом смертельной опасности) начинается с великого «Слова о полку Игореве»:

*...Тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи:
Сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую*
(перевод Д. Лихачёва) [6, с. 63].

Она, это традиция, имеет могучее продолжение в творчестве Г. Державина, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, А. Твардовского, многочисленных продолжателей конца XX века. Великолепно описывает эту мощную художественную традицию Марина Цветаева. Для неё из пушкинского стихотворного наследия «самым любимым, самым понятным самым своим» оказываются строчки:

*... Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю* [7, с. 10].

И здесь максимализм русского характера, помноженный на необъятность русского бытия, на необходимость всегда встать горой «за други своя», и даже принять неизбежное прямо на глазах соратников, «на миру» ...

Эта национальная направленность художественной традиции, которая строится на биосоциальном, и на духовном опыте народа и выражает его, проходит через чувственную ауру, окружающую искусство, порождает вариативные возможности ценностно-оценочных измерений.

Язык вообще, и, особенно, язык словесного искусства, играет в этих измерениях важнейшую роль.

Следует сказать, что литература со времени жизнедеятельности Аристотеля, претерпела значительные изменения. Но в основе своей осталась в рамках того, что предначертал древнегреческий мудрец.

В драматической литературе, строящейся на конфликте, он четок, лаконичен, что придает диалогам особую динамичность. Это наглядно продемонстрировано в американской и восточнославянской литературе. В прозаической литературе описанию принадлежит ведущая роль. Здесь литературу можно сравнить с живописью. Один из художников тщательно подбирает краски, пытаясь отыскать в их сочетании гармонию, другой (писатель) также тщательно подбирает слова, пытаясь дать всеобъемлющую картину. В этой картине – мир и человек, при этом сквозь страсти мира всё же проглядывает облик прекрасного (как в творчестве Стендаля и Тургенева).

А в поэзии... Это особая стезя творчества (античные поэты утверждали, что говорят голосом Неба, по велению богов). И язык этого вида литературы тоже особенный. Он куётся как бы из глубины души, он обнажённым чувством выплескивается на читателя. Это «художество слова»: поэт одной-двумя строчками может выразить состояние человека и состояние мира:

Только синь сосет глаза... (С. Есенин)

*Воздух неба предрассветного прошит
Обрывающейся ниткой журавлей* (Н. Матвеева).

*Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели* (А. Блок).

Ритмика стиха и его орфоэпическое звучание не могут не завораживать, они порождают глубокие ассоциации. Что и возникает при сопоставлении строк гениальных поэтов:

*Чернобровую девицу
Черногривого коня...* (М. Лермонтов)

Язык поэзии – это музыка чувства, оголенный нерв души... Он в состоянии передать в максимально короткое время и при минимуме слов картину мира, которую видит перед собой отдельный человек, целый народ и все человечество.

Библиографические ссылки

1. Каган М. С. Философия культуры. СПб: Петрополис, 1997.
2. Салеев В. А. Неоаксиология: сфера ценностей и оценок // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого Белорусского философского конгресса. Мн. : «Бел. навука», 2017. С. 349–350.
3. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: «Наследие», 1997.
4. Салеев В. А. Язык в национальной культуре. Мн. : НИО, 1992.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008.
6. «Слово о полку Игореве. М.: «Просвещение», 1984.
7. Цветаева М. Мой Пушкин. Изд.3-е. М.: Сов.писатель. 1981.